

—Новым моим компаньоном по рыбалкам стал Серёжа Лебле. Познакомился я с ним ещё весной, в университете, когда текли рекой новые знакомства с преподавателями, вовлечёнными вместе со мной в гострёмовский водоворот: Кузин, Шпилевой, Корнеев, Осипов (Борис Сергеевич), Кондратьев, потом Приц, Кочемировский. Интереснее других мне показался Женя Кондратьев: чуть постарше меня, родом из Карелии, невысокий, спокойный, приятная улыбка, но и что-то хитроватое вместе с ней появляется на лице. Специальность - физика твёрдого тела, экспериментатор, в Калининграде недавно, закончил аспирантуру где-то в Куйбышеве, подготовил диссертацию, но ещё не защитил. Женя оказался книголюбом, и на этой почве мы с ним сразу сошлись, обсуждая последние новинки.

—Как-то он предложил зайти послушать пластинки, классику, к одному своему знакомому, тоже преподавателю, живущему в общежитии здесь же рядом, в одном дворе со вторым университетским корпусом. Этим знакомым оказался Серёжа Лебле, ассистент кафедры теоретической физики, возглавлявшейся до недавнего времени Прицем, а теперь Гострёмом, и переименованной, как я уже говорил, в кафедру теоретической и экспериментальной физики. С Лебле я уже сживал вместе на каких-нибудь заседаниях, проводившихся Гострёмом, но знаком ещё не был. Зато его хорошо знал Виталик Чмырёв - они были однокурсниками!

—Серёжа кончал наш "элгэу"шный физфак одновременно с Чмырёвым и Мальцевым, то есть в конце 1968 года, и мало того - кончал кафедру теоретической физики, расположенную в том же ректорском флигеле, что и наша кафедра физики Земли. То есть мы несколько лет наверняка часто встречались, будучи посторонними людьми, в Ленинграде, а вот теперь довелось познакомиться в Калининграде. Здесь в КГУ Серёжа работал по распределению уже второй год и заочно учился в аспирантуре своей теоркафедры в ЛГУ. Оказалось потом, что у них с Жоркой Пронько, моим зятем, общий научный руководитель (Жорка тогда делал дипломную работу).

—Серёжа - роста чуть повыше среднего, худощав, тёмные длинные волосы частью назад, частью набок, тонкий прямой нос, черты лица в общем правильные, улыбка приятная, хотя при этом обнажаются дёсны и крупные неровные жёлтые зубы. Он мне понравился с первых же минут нашего знакомства. Потом мы подружились.

—Так вот Серёжа оказался очень предрасположенным к рыбалке. Опыта этого дела, похоже, у него не было, зато рыбацкого азарта, что гораздо важнее, обнаружилось, хоть отбавляй. Как и Виталик, он мог часами простаивать в воде или бродить по камышам с удочкой, не взирая на погоду: дождь там или ветер, или солнце печёт невоготу.

—Серёжа был женат. Жена Люда, выпускница филфака ЛГУ, тоже работала в университете, на полставки ассистента. У них имелась дочка Жанна, на два года младше нашей Иринки. В общежитии Лебле занимали две комнаты, что в общем-то считалось удачей для молодых специалистов, даже и с ребёнком. Обстановка в этих комнатах была вполне студенческой. Кое-как сколоченный из досок самодельный стеллаж завален книгами, кипы "Литературной газеты" подпирают стеллаж снизу, дабы он не обрушился. В отдельной тумбочке плотными рядами стоят пластинки, в основном, классика, есть проигрыватель и магнитофон - гостям к услугам в любой момент, приходи и слушай. Прочие мебельные атрибуты весьма обшарпаны и явно казённые.

—Серёжа производил впечатление человека открытой души, предрасположенного к веселью и некоторой, излишней, быть может, восторженности; в нём интеллигентность сочеталась с качествами "рубахи-парня", выпиравшими из него в подпитии (или ему нравилось изображать из себя такого в этом состоянии). Жена его, Люда, временами казалась человеком суховатым, немного чопорным, но часто в ней прорезалась искренняя добросердечность, радушность. Ей свойственны были довольно резкие перепады настроения, капризность. Она была почти на три года старше Серёжи и относилась к нему

то ласково, то раздражённо, не скрывая своего раздражения от посторонних. "Странный человек, эта Люда", - говаривала Сашуля в те времена. С Людой, оказывается, (по её словам) я "познакомился" впервые, поругавшись в очереди к зубному врачу - тогда в общежитии размещалась и университетская поликлиника, но я что-то этого не помню.

— К новым знакомствам Сашулю тянуло ещё больше, чем меня, в силу её общительного характера и замкнутости ладушкинского круга. Меня тянуло к обсуждениям политических и философских взглядов, к новым идеям, а её просто к новым впечатлениям, и она с удовольствием познакомилась с семействами Лебле и Кондратьевых. Особенно понравилась ей Лима - жена Кондратьева, под стать самому Жене очень спокойная, уравновешенная, но не вялая, а с чувством юмора, доброжелательная женщина. Начались обмены визитами, Сашуля охотно выезжала из нашей деревни в Калининград, а наши новые приятели не менее охотно ездили в Ладушкин наслаждаться природой, до которой все оказались большими любителями.

— Перед самым отъездом Сашенькиных родителей домой, во Владимир, мы с Лебле решили воспользоваться тем, что дети наши не обременяли нас (Жанну отправили к Людиной маме, Иринка была под присмотром Сашенькиных родителей), и съездить в Вильнюс, где никто из нас ещё не бывал. От Калининграда до Вильнюса шесть часов езды поездом, и почти все поезда дальнего следования идут через Вильнюс, так что мы выбрали такой, который отправляется из Калининграда поздно вечером, а спозаранку уже были в Вильнюсе.

— Хотя Калининград и является самым западным городом Советского Союза, он имеет наименее западноевропейский вид из всех городов Советской Прибалтики. Особняки с черепичными крышами по окраинам города, несколько уцелевших зданий немецкой архитектуры в центре, развалины ещё не снесённых кирх, большие массивы вековых деревьев - каштанов, лип, буков, вязов в парковых зонах, узкоколейные трамвайные линии - всё это, конечно, отличало его от рядовых русских областных центров. А в остальном...

— Унылые облупленные пятиэтажки (хрущобы), заполнившие разрушенный центр города, асфальт в колдобинах, тротуары в рытвинах, переполненные трамваи, которые ходят раз в полчаса, пустые магазины с изнывающими от безделья продавцами, или, наоборот, - торговля кипит и очередь на полкилометра, что-то выбросили, колбасу, наверное, два-три непривлекательных кинотеатра в центре города и столько же ещё менее привлекательных по окраинам.

— В области, где находится крупнейшее в мире месторождение янтаря, единственный фирменный магазин "Янтарь" торговал двумя-тремя грубейшими поделками, которые и даром-то брать не хотелось.

— Рестораны представляли собой злачные заведения, где из моряков и рыбаков выкачивали заработанное в рейсах, накачивая их водкой, в столовых распивались водка и "красное", принесённые из магазинов, впрочем, "красное", можно было купить и на месте. Ну, а чем там кормили - не отравишься и слава Богу. Сашуле, впрочем, нравился ресторан "Гудок" на Южном вокзале.

— Таким вспоминается мне Калининград 1970 года.

И вот мы в Вильнюсе. Старинные дома, тесные улочки, соборы - католические и православные, башня Гедиминаса, университет, театры, музеи, витрины магазинов и лавочек, кафе, забегаловки, оригинальной архитектуры новые постройки, нарядно одетая публика. В сувенирных лавках изделия из янтаря всевозможных форм, обрамлений и цен. Куда мы попали? Каких-то 300 километров на восток, а почти как на Западе. Хочешь выпить кофейку или чего-нибудь покрепче - любого сорта, или вкусно поесть - пожалуйста. Хочешь - стоя, хочешь - сидя, хочешь - скромно, хочешь - с комфортом, в полумраке, со свечами, с музыкой или без.

К сожалению, при наших скромных финансах разгуляться мы не могли, но уж по

городу побродили так, что к вечеру ноги у нас отваливались. Мы планировали переночевать в Вильнюсе, а на следующий день съездить в Тракай. Но не тут-то было. Собственно, мы с самого утра первым делом пытались устроиться в какую-нибудь гостиницу, и маршрут наш этим и определялся - от одной гостиницы к другой, включая и какие-то совсем экзотичные в старинных домах. Но в эти дни в Вильнюсе проходил певческий праздник, на который съехался народ со всей Прибалтики попеть хором на стадионе. Так что шансов у нас не было никаких.

— Не удалось устроиться и в университетском общежитии - та же история. Зато старый центр города, район университета мы обшагали очень подробно. Полюбовались изнутри и снаружи костёлом Св. Анны. Слазили, разумеется, на башню Гедиминаса, обозрели панораму Вильнюса сверху. Обедали в "Дайнаве", шикарном современном ресторане, огромном, светлом, где удивительно гасятся все звуки, так что разговора сидящих за соседним столом совершенно не слышно. Отведали фирменных литовских блюд, прекрасно они мясо делают, и двинулись дальше - к собору Св. Петра и Павла, это уже в стороне от центра. Смотрели крестины, потом поотдыхали в прохладе самого собора (день был жаркий), потом лежали, умаявшись от ходьбы, на травке здесь же у собора. Потом нашли какое-то простенькое кафе в этом же районе, распили пару бутылок вина и даже попели там (Серёжа пить и после этого не пить в те годы никак не мог), и, когда кафе закрылось, побрели на вокзал, надеясь скоротать ночь там.

— А там таких безночлежных оказалось пруд пруди, не то что прилечь - сесть негде. Наконец прилегли на полу у каких-то дверей, медпункта, кажется, однако из дверей вскоре вышла злая тётенька и начала кричать. Серёжа тоже стал кричать, что ему чуть на голову не наступили, и что нельзя так невежливо обращаться со спящими пассажирами. Но всё же нам пришлось оттуда убраться. Нашли место на лавочке в привокзальном сквере, но было уже холодно, да ещё начал накрапывать дождь, и мы снова принялись бродить по вокзальным помещениям, пока не нашли где-то свободный и достаточно широкий подоконник, на котором и приткнулись вчетвером.

— Был четвёртый час утра. Силы наши изрядно убывли. И тут выяснилось, что сейчас пойдёт какой-то проходной поезд на Калининград. Измученные женщины, и я их поддержал, решили - хватит, едем домой, главное, сейчас хоть поспим в поезде. Серёжа пытался воодушевить нас предстоящим не менее интересным путешествием в Тракай, потерпеть, мол, осталось совсем немного, но сил терпеть у остальных уже не было, и Серёжин энтузиазм не нашёл поддержки. Мы взяли билеты и пресладко уснули в поезде, увозящем нас из прекрасного, но не слишком гостеприимного Вильнюса в наш захудалый, но родной Калининград.

— В Калининграде Лебле затащили нас к себе домой, купили вина, сидели, слушали музыку, болтали, тары-бары, пели песни, пропустили последний дизель на Ладушкин, легли поздно, встали не слишком рано и приехали в Ладушкин к обеду. А было это очень нехорошо. Дело в том, что в этот день вечером уезжали Сашенькины родители. Мы договорились с ними, что приедем из Вильнюса к вечеру за день до их отъезда, а явились только к обеду следующего дня.

— Николай Степанович обиделся на нас за это - не описать. Он ждал нас с самого утра, купил водки, шампанского, тёща приготовила прощальный обед, а нас нет и нет, в четвёртом часу только приехали. Свою обиду Николай Степанович подогрел ещё и тем, что с расстройства выпил в одиночку, а с нами за столом и чокаться не захотел.

— Книжек вон сколько накупили, а культуры у вас никакой, - в сердцах выговаривал он нам. Так расстроенный и уехал, и не приезжал к нам потом года два-три, если не больше. И я долго потом ощущал чувство вины перед ним.

[\(продолжение следует\)](#)